

Глава 4. Тень в лесу Гоблин рухнул, череп его пробила булавой с глухим треском. — Хммм. Гоблины — единственные враги, которые собираются показаться? — проворчал Первосвященник Гордон, избивая очередного мерзкого тваря. Он был могучим человеком, достигшим высот к тридцати годам благодаря своей вере, силе и магии жизни и света. Гордон, бывший простойлюдин, теперь был Первосвященником, ревнивым исполнителем закона Альды, Бога судьбы и закона. Он считал своим священным долгом истреблять всех монстров Виды — вампиров, ламий, сцилл, — существ, чье само существование Альда считал злом. — Первосвященник Гордон, не думаете ли вы, что дампир либо бежал вместе со своим отцом вампиром, либо был похоронен заживо, когда пещера рухнула? — спросил один из святых рыцарей, но Гордон не соглашался. Он не стыдился убийства Темного Эльфа и не отказывался от охоты на её сына, считая свои действия справедливыми. Однако поиски затянулись. Связаться с охотниками, продавшими им Темного Эльфа, не удалось. Они исчезли, так же как и нанятые Гордоном охотники, вместе с рыцарями феодала прочёсывая лес. Встречались лишь волки, медведи, кабаны и незначительные монстры, вроде гоблинов. На пятый день они нашли обвалившуюся пещеру, где, по-видимому, жили. Но трупы дампира не было. Гордон хотел раскопать пещеру, но отказался от этой идеи, опасаясь обвала. — Если бы под рукой был специалист по строительству или карлик-шахтер, то это была бы другая история, — вздохнул один из рыцарей. Поиски продолжались уже два месяца. Три охотника, знавших эти места, пропали без вести. Гордона мучила интуиция, подсказывавшая, что это не случайность, а месть. — Дампир, о котором идет речь, по-видимому, все еще ребенок, но это не снимает вопроса. Был инцидент, когда трехлетний дампир убил группу авантюристов D-класса, — напомнил один из рыцарей. Сдаться означало позволить злу распространиться. Гордон должен был найти и уничтожить дампира. — Первосвященник Гордон, невозможно обыскать лес тщательнее, чем мы уже сделали, — сказал один из рыцарей. — Баронет Бестеро уже отозвал своих рыцарей, — добавил другой. Не все разделяли рвение Гордона. Баронет Бестеро, феодал этих земель, хотя и отправил в помощь пять рыцарей и половину своих солдат, теперь отказывался от дальнейшей помощи. Он не мог позволить своим силам тратить время на поиски в лесу. — Неужели нет другой работы, которую Первосвященник мог бы делать для народа? — вопрошал он, открыто критикуя Гордона. — ... Я знаю, что жители Эвбейи выразили свое недовольство, — ответил Гордон, смущаясь. Два месяца запрета на посещение леса вызвали негодование у местных жителей. — Но не только люд недоволен. Авантюристы тоже не в восторге. Ну, они F-класса и E-класса, и их мнение не имеет значения, — пробормотал Гордон. — Они подают жалобы в Гильдию, говоря, что их работу отнимают, — подтвердил рыцарь. Количество монстров, вроде гоблинов, резко уменьшилось во время поисков. Авантюристы теряли доход, а Гильдия была недовольна уменьшением количества авантюристов в Эвбейи. — Что, по вашему, мы должны делать?! Конечно, вы не собираетесь предложить нам щадить гоблинов, которые приходят, чтобы напасть на нас! — раздраженно сказал один из рыцарей. — Как я уже сказал, возможно, настало время сдаться? Мое слово, конечно, не слово феодала, но есть много других мест, которые могли бы извлечь пользу от нашего присутствия..., — ответил Гордон. — Ммх... — промычал рыцарь. В реальности, в то время как они тратили время на поиски дампира, вампиры двигались в тени, а другие монстры Виды причиняли вред людям в других местах. Стоило ли продолжать тратить время на бесплодные поиски? — У нас нет выбора. Послезавтра мы покинем Эвбейю, — сказал Гордон, его лицо было печальным. Он чувствовал, что дампир смеется над ними. Солнце заходило, окрашивая небо в красные тона. Вандалью, тем временем, лежал на солнце, наслаждаясь теплотой. — Солнце... Люблю тебя..., — прошептал он. Он научился говорить, хотя ещё не очень хорошо. Жизнь под землёй была тяжёлым испытанием для него. Он думал, что поиски закончатся через месяц, но Гордон и его люди оставались в лесу два месяца. Вандалью провел все это время в темноте, в окружении земли и скал. Он использовал магию смерти, чтобы продлить жизнь двум охотникам, но они продержались лишь около полумесяца. Потом он приказал Кости Обезьяны и другой нежити растолочь зерна пшеницы и размять сушеное мясо,

оставшиеся от Дарсии, и замочить их в воде, чтобы сделать детское питание. Он был голодным, но не отчаивался. Он знал, что скоро он снова увидит свою мать. Вандалью уже не мог терпеть. Голод грыз его изнутри. В отчаянии он рылся в грязи, ища хоть каких-нибудь съедобных насекомых. Но вместо этого наткнулся на подземный ручей. В тот момент он подумал, что пещера затопится, и он утонет, но, как оказалось, это была счастливая случайность. Его запасы воды были на исходе, и ручей позволил ему наконец постирать свои подгузники. До этого он выкапывал ямки в земле, куда прятал использованные подгузники, а затем закапывал их. Когда закончились те, что подарила ему Дарсия, ему пришлось использовать подгузники из одежды мертвых охотников, но и они были на исходе. Он мог использовать магию смерти, чтобы очистить себя, но чувство грязи было невыносимым. Для него, как для человека, это было неприемлемо. Последние несколько дней он питался дождевыми червями и соком корней деревьев. Благодаря новому навыку "Предчувствие опасности: Смерть" он научился находить червей, которые не были смертельно ядовитыми, но после их употребления уровень его навыка "Соппротивление" почему-то увеличивался. Вероятно, эта пища была ядовита, но не настолько, чтобы убить его. — Я больше никогда не хочу жить жизнью, где поимка моли кажется чудом, — твердо сказал он себе. Вандалью, будучи вампиром, видел в темноте так же хорошо, как и днем. Но это не означало, что он не нуждался в солнечном свете. В конце концов, он был наполовину Темным Эльфом. Он беспокоился, что может умереть от болезней, вызванных недостатком витаминов. — Первосвященник Гордон и авантюристы "Пяти цветного Лезвия", пожалуйста, будьте здоровы, — искренне молился Вандалью за благополучие первосвященника Гордона и его людей, которые покинули Эвбейу и баронета Бестеро, а также за группу "Пяти цветного Лезвия", которые ушли оттуда два месяца назад. — Пожалуйста, не умирайте, пока я не убью вас сам. Он с жаром молился, чтобы их не убил кто-то другой, чтобы они не погибли от несчастного случая или болезни. — Человек может пребывать в темноте максимум девять часов? Если прожить в темноте так долго, это, видимо, вызывает психические проблемы, но я, кажется, пережил это на удивление хорошо, — размышлял он. Загорание на солнце успокоило его. Он был рад, что его психическое состояние не изменилось за последние два месяца. Он приказал нежити поставить ловушки, чтобы поймать кроликов и других мелких животных. Проверяя свой статус, он заметил, что навык с мрачным названием "Ментальное искажение" достиг 10-го уровня. Было ли это связано с его клятвой о мести? Ну, похоже, этот навык служил в качестве умственной защиты, поэтому он не стал задумываться об этом слишком много. Что касается его навыка "Очарование смерти", то он решил, что часто использовал его на Ориджине. Было несколько случаев, когда пожилые исследователи, которые относились к нему, как к морской свинке, умирали от сердечных приступов, становились духами, а затем полностью меняли свою личность и извинялись перед ним в слезах. Он не держал на них зла; если бы не его разговоры с духами на Ориджине, его ум рассыпался бы задолго до того, как тело его умерло. Однако, когда Орби и его спутники пришли к нему в качестве духов после их смерти, он чувствовал к ним только отвращение. Вандалью не хотел позволить им отойти мирно, поэтому он заставил их вселиться в каменный столб, поддерживающий пещеру, и они до сих пор были там. — На данный момент, я, пожалуй, должен продолжать скрываться, пока не подрасту, — решил он. За последние два месяца у Вандалью выросли новые зубы, помимо его клыков. Теперь он также мог ходить, хотя и с плохим балансом из-за относительно большого размера его головы. Но ему все еще требовались долгие часы сна, и он не мог работать. Он был способен ходить только неуверенно, вразвалку, поэтому, даже если бы он провел целый день в пути, он не преодолел бы большого расстояния. Чтобы покинуть это место, ему нужно было либо вырасти, либо тщательно подготовиться. Из-за этого он был вынужден отложить свою месть баронету Бестеро, его рыцарям и народу Эвбейу. Он уже продумывал план мести и был уверен, что сможет осуществить его, поэтому он горел нетерпением, но ему пришлось смириться с этим и выждать. — Уже зима, даа... Теперь, когда я об этом думаю, я вспоминаю, что до сих пор не расспросил маму об истории этого мира. Но перед этим... стоит, наверно, наловить добычи,

чью кровь я могу пить? — размышлял он. Хотя он, наконец, смог выйти наружу, казалось, что он может умереть от голода холодной зимой. Вандалью выдохнул, размышляя о суровости этого мира. На Ламбаде вампиры делились на четыре категории. Первыми были вампиры, порожденные Видой и зомби-героем Заккардом, который давно погиб, и его имя было забыто — **Истинный предок**. Те вампиры, которые напрямую получили благословение от Истинного предка или были его кровными потомками, были известны как **Чистородные**. Потомки Чистородных, чья кровь немного истощилась за смену поколений, звались **Благородные**. И, наконец, те, кто получил первую кровь от Чистородных или Благородных и были обращены в качестве слуг, не наследовали магических способностей вампиров, таких как очаровывающий взгляд, а наследовали лишь физические способности, например сверхсилу и умение регенерировать. Их называли **Подчиненные**. Как правило, чем теснее вампир был связан с Истинным предком, тем сильнее он был. Однако Вампиры имели значительные индивидуальные различия, так что существовали некоторые Подчиненные, которые были могущественнее Благородных. Общей чертой среди всех Вампиров была их слабость к солнечному свету, а также анти-магия нежити, преподаваемая среди последователей Альда. Другая особенность заключалась в необходимости пить кровь, чтобы поддерживать себя. Отец Вандалью был Подчиненным Чистородного. Он не был даже одним из исключительных, которые были сильнее Благородных; он был просто нормальным человеком, который был превращен в вампира. Его звали Вален. Первоначально он был бандитом и жил в трущобах. Единственным, что отличало Валена, было его сопротивление солнцу. Он был еще более устойчив к нему, чем большинство людей, поэтому его хозяин высоко ценил его. Он поручал Валену выполнять различные поручения и собирать информацию среди людей. Тогда он и встретил Дарсию. Как в старых любовных историях, двое влюбились друг в друга с первого взгляда. Тем не менее, в современную эпоху Вампиры были разделены на две фракции. В мире, где память о былой славе богини Виды меркла, а вера в злых богов крепнет, разгорались конфликты. Старые, консервативные взгляды, верные идеалам Виды, уступали место радикальным, экстремистским идеям. Именно в этом хаосе и родилась история любви вампира Валена и человеческой девушки Дарсии. — Если бы хозяин Валена принадлежал к консерваторам, — говорила Дарсия, — то не было бы никаких преград для нашей любви. Но он был экстремистом, фанатиком, который презирал смешение рас. Он видел во мне опасность, в нашем ребенке — угрозу. Вандалью, их сын, уже много раз слышал эту историю. Он сидел на полу, впервые за долгое время наслаждаясь чем-то другим, кроме насекомых и корней деревьев. — Так вот почему меня так зовут? — спросил он, его голос был тихим, почти неслышным. — Да, — ответила Дарсия, — тебе нравится? — Да, — сказал Вандалью, — это хорошее имя. Она улыбнулась, ее глаза, полные печали, заблестели. — Мы договорились, что если родится мальчик, назовем его Вандалью, а если девочка, то Варсией. Дарсия продолжала рассказывать историю, еще раз, и еще, и еще. Ее память была хрупкой, как бабочка, и ее воспоминания о жизни, о Валене, о том, как они скрывались от преследователей, растворялись, как утренний туман. — Даже так, — сказала Дарсия, — питаюсь моей манной, я смогу удержать ее на сотни лет. Вандалью слушал ее, его сердце сжималось от боли. Он знал, что ее дух угасает, и он хотел сделать все, чтобы вернуть ей жизнь. Он решил найти ей новое тело, подарить ей возможность жить, хотя бы и в чужом теле. — Я расскажу тебе все, что знаю, — говорила Дарсия. — Время на Ламбаде течет так же, как на Земле, двадцать четыре часа в день, двенадцать месяцев в году. Жители планеты говорят на японском, языке героев, которые спасли Ламбаду от Короля демонов. Вандалью внимательно слушал, поглощая ее слова, как губка впитывает воду. Он узнал о системе профессий, о том, как люди получают очки опыта и как профессии определяют их судьбу. — Воины и маги получают больше опыта, сражаясь с монстрами, — говорила Дарсия, — а фермеры — от работы на земле, ремесленники — от создания новых вещей. — Ну, — сказал Вандалью, — было бы странно, если бы воин получал очки за работу на ферме, а ремесленник, умеющий изготавливать предметы быта, пытался бороться с монстрами. — Да, — согласилась Дарсия, — каждый должен заниматься своим

делом. Вандалью задумался о проклятии Родкорта, которое не позволяло ему получить профессию. — Я не могу обучиться существующим профессиям, — сказал он, — это значит, что я никогда не смогу найти работу, не смогу накапливать очки опыта. — Это тяжелое проклятие, — сказала Дарсия. — Ты никогда не сможешь стать сильнее. — Восемь месяцев прошло с тех пор, как я родился, — сказал Вандалью. — Я прошел через многое, что не касается обычных детей. Я научился магии, применил ее на практике, даже победил Орби и других охотников, но мой уровень не изменился. — Ты остаешься на уровне 0, — сказала Дарсия. — Это очень плохо. Вандалью понял, что его жизнь будет полна препятствий. Он не сможет стать воином, не сможет работать на ферме, не сможет стать ремесленником. — Я загнан в угол, — сказал он, — я перестану думать об этом. — Давайте спать, — сказала Дарсия. — Считается, что спящие дети хорошо растут. Вандалью закрыл глаза и уснул. Он знал, что его путь будет трудным, но он не сдавался. Он хотел защитить свою мать, хотел найти ей новое тело, хотел жить. Он был Вандалью, сыном Валена и Дарсии, и он не отступит от своей цели. Вандалью, закутанный в густые меха, отдал приказ Кости, своему верному обезьяньему слуге. — Зажги костер, — бросил он, указывая на груды хвороста, которую он сам соорудил, заставив двух своих деревянных големов тереться друг о друга. Те, послушные воле своего создателя, послушно выполняли свою работу, создавая искры, которые быстро переросли в языки пламени. Утомившись, Вандалью, прикрыв глаза, задремал, оставляя своих неживых стражей бдиль. В ушах его звучала колыбельная, которую пел ему дух Дарсии. Мелодия была красива, но в ней не было тепла, которого так не хватало ему. Дарсия, впрочем, не знала о дампирях, кроме него самого, а они были редки, как драконы. Он не мог спросить ее о них, не мог поделиться своими страхами и желаниями. Он, дитя двух миров, зачатый смертной женщиной и кровожадным вампиром, был обречен на вечные скитания, на одиночество. В его жилах текла кровь обоих миров, но ни один из них не принимал его полностью. Вандалью был силен, как лев, и ловок, как пантера. Его мышцы, налитые нечеловеческой силой, были способны разрывать сталь, а когти могли оставить глубокие раны. Его разум был острым, как бритва, и мог видеть сквозь иллюзии. Но он был также слаб, как ребенок, и тосковал по теплу, по любви, по принадлежности. Он был дампиром, и его судьба была предопределена.